

И да, и нет, и может быть

Второй тур XII Международного конкурса имени П.И. Чайковского

Скрипачи

У Конкурса Чайковского особая атмосфера. Забывая порой имена участников и судей, путая события и смешивая даты, мы помним запахи и звуки, и ощущение сопричастности, и радостную суету у входов, и бесконечные беседы и споры за столиками летнего кафе. Здесь мы болеем за наших, но обязательно выбираем себе в фавориты какого-нибудь иностранца и целых две недели неистово любим его, со сладким удовольствием и возбуждающим негодованием сердясь на жюри, если оно наших чувств не разделяет (что случается). Никакие соображения, продиктованные простой логикой, еще так недавно не могли убедить нас в том, что конкурс этот не единственный на свете, а лишь один из многих, пусть уважаемых и престижных.

На XII Международном конкурсе Чайковского все так и одновременно несколько иначе. В Москве потеплел климат, одуряющий аромат персидской сирени сменился изысканным благоуханием лип, значительно помолодела публика, да и участники приехали гораздо более юные, чем прежде. Жюри обаятельно, корректно и объективно (во всяком случае, пока); залы (вопреки прогнозам) полны; пресс-центр работает идеально, а обычно профессионально скукающие журналисты заметно оживились. И было от чего.

Поздно вечером в воскресенье были подведены итоги второго тура конкурса скрипачей. При выборе финалистов жюри проявило чудеса изобретательности и дипломатичности. Дело в том, что очевидных и бесспорных претендентов на участие в третьем туре было не восемь, а только шесть — это ученики Захара Брона Тамаки Кавакубо (Япония — США), Михаил Овруцкий (Россия — США) и Николас Кеккерт (Германия); студент Эдуарда Грача Гайк Казазян (Россия), выпускница Майи Глезаровой и Игоря Ойстраха Татьяна Самуил (Россия) и студент Центральной консерватории в Пекине (класс профессора Линя Яоцзи) семнадцатилетний Си Чень, недавно пострадавший во время известных «футбольных» событий. На оставшиеся два места претендовали пять человек. Трех из них жюри в финал не пустило, но зато порадовало специальными призами. Одной из самых юных участниц, шестнадцатилетней Екатерине Фроловой, присудили по предложению Владимира Спивакова не объявленную ранее специальную премию «Надежда» в размере 1300 долларов; Надежде Токаревой достался специальный приз за исполнение «Цыганских напевов» Сарасате, а китайцу Фен Нину — приз за лучшую интерпретацию современного сочинения — «Паганинианы» А.Шнитке. Поощрили, по традиции, и «игроков музыкальной защиты» — концертмейстеров Софью Овруцкую (аккомпанировавшую своему брату наизусть), Сергея Безродного, Гюзаль Кариеву и Ирину Виноградову.

Остальными же участниками финала стали ученик Сергея Кравченко Евгений Стембольский, блеснувший на первом туре, а программой второго сыгравший хоть и музыкально и тонко, но несколько нестабильно, и китаец Ян Лю, расположивший к себе публику замечательной сонатой Рихарда Штрауса, искрометным скерцо Прокофьева, но не избежавший интонационных погрешностей. Согласно новым правилам, установленным Положением о конкурсе Чайковского, члены жюри, чьи ученики прошли в финал, в голосовании третьего тура принимать участия не будут.

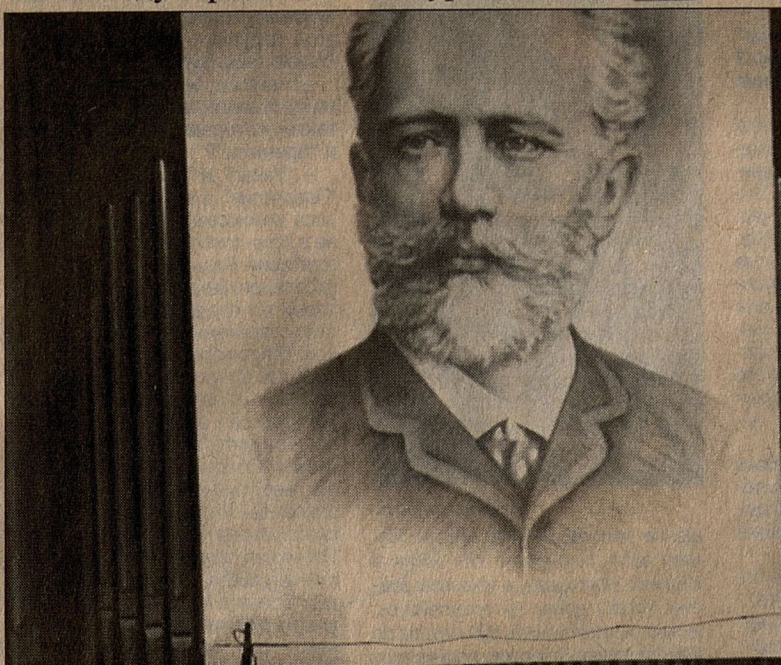
Самым большим событием второго тура конкурса скрипачей, вне всяких сомнений, стало выступление Си Ченя. Юный китайский музыкант, чье дебютное появление на московской сцене омрачилось столь нелепо драматичным инцидентом (результатом которого стала травма плеча), сумел мгновенно завоевать симпатии публики не только своей решительностью и мужеством, но и невероятным сценическим обаянием. В его игре абсолютная продуманность и ясность намерений, обычно свойственная лишь очень зрелым и опытным артистам, сочеталась с удивительной свободой и какой-то радостной непосредственностью. Его интерпретации не просто убеждали — они управляли залом и гипнотизировали, заставляя дирижировать в такт даже членов жюри. Его искусство не оставляло возможности рассуждать о стиле — настолько исчерпывающе конкретными и зримыми были явленные в звуках образы.

Именно ради таких выступлений и открытий и существует Конкурс Чайковского. Так что можно сказать, что главная сенсация состязания скрипачей уже состоялась. Остается только дожидаться финала.

Ольга ФИЛИППОВА

Виолончелисты

Такого количества виолончелей одновременно наш Старый Арбат еще никогда не видел. Сорок пять музыкантов, обремененных своими солидными инструментами, тянулись к залу Московского театрально-концертного центра Павла Слободкина, отданного на «Чайковский» под соревнование виолончелистов. Этот центр совсем недавно вошел в корготу столичных концертных залов. Современное сине-белое в золотой окантовке великолепие с прекрасной акустикой произвело на конкурсантов, членов жюри и слушателей яркое впечатление. (Есть нечто символическое в том, что в этом зале собрались виолончелисты. Павел Слободкин, музыкант, меццо-сопрано, — сын известного советского виолончелиста, одного из первых послевоенных лауреатов Якова Слободкина. Кроме того, в этом центре базируется коллектив председателя жюри виолончельного раздела Александра Рудина. Так что выбор зала случайным назвать нельзя.)

По примеру пианистов и скрипачей жюри виолончелистов тоже отказалось от математического подсчета голосов в первых турах, отдав предпочтение коротким, но более прозрачным и справедливым: «да», «нет» и «может быть». Претерпела по сравнению с предыдущими конкурсами изменения программа первого тура. Меломаны не обнаружили в ней знакомых сонат Валентини, Бокерини, Локателли. А.Рудин объяснил их отсутствие чрезмерной «загранностью», приведшей к грузу исполнительских штампов: «Мы решили дать музыкантам свежие, не так часто звучащие произведения, в которых они могут по-настоящему раскрыться и показать различные стороны своего дарования. Сонаты Ф.Э.Баха исполняются довольно редко. Может быть, они не слишком трудны технически, но в них немало музыкальных, стилистических сложностей».

Пять конкурсантов предпочли играть сонаты Баха в сопровождении клавиесина, дабы больше соответствовать оригиналу (аутентичность сегодня в моде!). Однако для современного слуха яркое, насыщенное звучание виолончели (в оригинале сонаты написаны для виолы да гамба) не слишком сочетается с тихим позвякиванием клавиесина (хотя никаких претензий к великолепной клавиесинистке Ольге Мартыновой нет).

Пьесы Шумана открыли простор для романтических откровений, и каждый конкурсант использовал этот простор в соответствии со своим темпераментом. У порывистого россиянина Александра Бузлова это был истинно романтический «Sturm und Drang», у поляка Михаила Дмоховского Шуман оказался более просветленным, созерцательным, у немца Стефана Хейнемейера — расудительным, с точно выверенными дозами эмоций.

Но вольготнее всего участники чувствовали себя в музыке XX века для виолончели соло. Тут царствовало буйство фантазии. Дмитрий Прокофьев (Россия) с озорной лихостью обрушил на слушателей виртуозные «Русские наигрыши» Щедрина, Александр Чаушян (Армения) напустил мистического тумана в Сонате Крамба, «немецкий японец» Данылю Ишизака (он учится в берлинской Высшей школе музыки у нынешнего члена жюри Бориса Пергаменщикова) изодрался в колористических изысках «Каприччио» Пендерецкого...

Второй тур — это сюиты И.С.Баха и сонаты композиторов XIX и XX веков — Бетховена, Брамса, Мендельсона, Мясковского, Шостаковича, Прокофьева, Шнитке — и — наконец — Чайковский — «Пеццо-каприччиозо». Программа, требующая максимального напряжения физических и эмоциональных сил. Сюиты Баха все играли аккуратно и добротно, словно необходимый учебный материал на экзамене, и лишь некоторые, например, выпускница Кертис-института Софи Шао (США) — сумели найти в чередовании старинных танцев сюит внутреннюю драматургию и вложить в исполнение свое личностное отношение.

Второй тур действительно заставил многое переосмыслить. Сонаты Бетховена и Брамса продемонстрировали масштабность музыкального мышления конкурсантов, умение распределить силы на марафонской дистанции тура, динамично выстроить концепцию программы, а сонаты Шостаковича, Прокофьева и Шнитке раскрывали возможности и сти-

жения современного музыкального языка.

Немецкие виолончелисты, показавшиеся сначала аккуратными учениками, вдруг раскрылись в артистическом многообразии. Сонаты Бетховена и Брамса им, как говорится, сам Бог, а точнее, немецкий генезис, велел играть ярко, что они и сделали. Но так же убедительно у них прозвучали Шостакович (Мозер) и Прокофьев (Ишизака). Что же касается пресловутого непостижения «загадочной славянской души» в музыке Чайковского иностранцами, то оно не наблюдалось. В «Пеццо-каприччиозо» немцы, американцы, корейцы не уступали россиянам в полноту звучности и красоте кантлены, так же как и в виртуозности быстрого эпизода. Член жюри Наталья Шаховская заметила, что «многие играли этот эпизод в таком сумасшедшем темпе, что порой невозможно было разобрать нот, причем этим грешили не только иностранцы, но и россияне».

Как это часто случается на конкурсах, мнение жюри о том, кто достоин выйти в финал, не совпало с мнением публики. Мне показалось, что к россиянам А.Бузлову и Сергею Антонову (которым публика устроила овацию) судьи отнесли излишне строго, может быть, из-за их молодости. Но исполнительская зрелость и талант этих ребят отчетливо были слышны в сюитах Баха, их чувство стиля в сонатах Бетховена и Брамса проявилось в полной мере, а исполнение Сонаты ре-минор Шостаковича, на мой взгляд, произвели наиболее сильное впечатление во втором туре. Никаких претензий нет к немецким виолончелистам Д.Ишизаке, И.Мозеру и Клаудиусу Поппу — наши бывшие соотечественники Б.Пергаменщиков и Д.Герингас хорошо подготовили их к конкурсу. Артистичная американка С.Шао сильно выступила в обоих турах, и ее выход в финал закономерен. Сомнения вызывает высокая оценка А.Чаушяна и Романа Гариу (Франция): интонационные погрешности в Бахе, чрезмерная экзальтация в Чайковском — аргумент не в их пользу. Дмитрий Прокофьев, несколько зажатый в первом туре, уверенно раскрылся во втором и по праву попал в восьмерку финалистов, так же как Александр Храмушин (Бельгия), который ровно отыграл обе программы — про таких говорят «конкурсный верняк». В целом же судейский вердикт еще раз доказал, что члены жюри и публика, в которой немало профессиональных музыкантов, почему-то по-разному слышат музыку. Жаль, конечно, что российская виолончельная команда оказалась в накладе.

Евгений ЭПШТЕЙН

Пианисты

Не будет преувеличением сказать, что одно из самых сильных впечатлений в первый же день второго тура оставил Алексей Володин — музыкант недюжинного ума, интеллект и тонкий знаток звуковой палитры. Может, кто-то вменит ему в вину некоторую сдержанность, однако в условиях конкурсной ситуации холодная голова, позволяющая рассчитать программы до единой ноты, является неоспоримым достоинством, чему доказательством стало совершенно образцовое выступление Володина. Ни одной не той ноты. Ни грамма эмоциональной фальши. Исключительное знание инструмента. Великолепное владение крупной формой (выстро-

енная, как речь оратора, симинорная Соната Листа) и настоящий виртуозный блеск (сыгранные с легким налетом иронии Три пьесы из «Петрушки» Стравинского). Ни дать ни взять — готовый лауреат. В тот же вечер появляется еще одна блестящая Соната Листа — на сей раз от Андрея Шибко, рассказывавшего листовский сюжет с такими неожиданными, демоническими интонациями, что в иные моменты пробирал настоящий страх. Его же конек — пьесы Чайковского из «Времен года», легким движением рук превращавшиеся из жанровых миниатюр в нечто гораздо более серьезное и глубокое. Огненный темперамент Шибко стер из памяти уверенный, но довольно нейтральный настрой Павла Домбровского — впрочем, у молодого студента Льва Наумова все еще впереди. Следующий конкурсный день не принес ничего особо радостного — сухой набор технических формул от азиатских гостей плюс не самая блестящая, далекая от интеллектуальных высот игра украинца Дмитрия Онищенко. Далее по расписанию — стенобитный перформанс Юрия Богданова, грязноватая игра американца Рудуса Чоя, крепкие, профессиональные работы Антона Сальникова, Сергея Кудрякова, китайки Цзинь Цзюй, несколько минут жеманства от Владимира Свердлова, физкультурный задор от Екатерины Мечетиной. Агрессивная, полная силы трактовка японцем Сузуки Хиронао «Сарказмов» Прокофьева заставила надеяться на лучшее, но увы — пианист мыслит теми же категориями и в «Симфонических этюдах» Листа, что, к сожалению, безграмотно. На этом фоне — две яркие удачи россиян: совершенно нетрадиционный, умеющий ловить в старых нотах оттенки нового смысла Дмитрий Тетерин (пианист с явной предрасположенностью к современной музыке, что для консервативного Конкурса им.Чайковского — настоящая находка) и интеллигентный и искренний Алексей Набиуллин, предложивший свою трактовку «Петрушки» и выживший, правда, не без потерь, громадную шубертову Сонату си-бемоль мажор. Далее — пустота.

А теперь результаты. В финале оказались и те, кого, честно говоря, в этой заметке упомянуть не хотелось — по причине недостатка места и отсутствия ярко выраженных индивидуальных черт. Из достойных — Дмитрий Тетерин и Алексей Набиуллин. По-человечески рад за Павла Домбровского — прекрасного профессионала, хотя, уверен, многие предпочли бы видеть на его месте или рядом с ним Алексея Володина или Андрея Шибко, а может, и кого-то другого из старших коллег. А потом идут совершенно непонятные персонажи — непонятные для тех, кто слушал весь второй тур и кто вправе рассчитывать на то, что им не откажут в опыте, слухе и интуиции. В финале, помимо названных, будут играть Андрей Пономчев (Белоруссия), Донг Мин Лим (Республика Корея), Дмитрий Онищенко (Украина), Уэхара Аяко (Япония) и Цзинь Цзюй (Китай). Им повезло, другого объяснения я пока не могу найти. Потому что логика решения жюри под руководством Владимира Крайнева не очень прослеживается. Вероятно, были какие-то веские причины в том, что список финалистов выглядит так, а не иначе.

Михаил ФИХТЕНГОЛЬЦ
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ